

ЮБИЛЕЙНОЕ ПРИНОШЕНИЕ

В № 5 «Киноведческих записок» была опубликована первая часть драматического триптиха «Звездопады», созданного Ларсом КЛЕБЕРГОМ—шведским славистом, автором работ по истории советского театра и кино, среди прочего—членом международной редколлегии нашего журнала.

Пьесы, входящие в эту трилогию, являясь плодом художественного воображения автора, основываются, тем не менее, на отличном знании им истории нашей культуры двадцатого века и используют в качестве исходного импульса исторический факт или даже обмолвку в чьих-либо мемуарах или дневниках, дающую повод для игры фантазии. Так обмолвка в дневнике Брехта: «*Эйзенштейн болен*» и фотография в 5-м томе шеститомника Эйзенштейна, запечатлевшая его вместе с немецким драматургом в 1932 г., дала Ларсу Клебергу повод столкнуть их в купе поезда «Берлин—Москва» и завязать между ними диалог, где каждый формулирует свою концепцию искусства и художественной деятельности (пьеса «Водолеи»). Интеллектуальный сюжет третьей пьесы («Пир на пепле») — воображаемая встреча С.М.Эйзенштейна и М.М.Бахтина в 1940 году в Московском планетарии.

Вторая часть триптиха — «Ученики чародея» — представляет собой «псевдостеннограмму» обсуждения действительно состоявшихся в СССР в 1935 году гастролей китайского актера Мей Ланьфана. Участники этой пьесы — Станиславский и Немирович-Данченко, Мейерхольд, Таиров, Эйзенштейн, Сергей Третьяков, зарубежные гости Гордон Крэг, Эрвин Пискатор, Бертольт Брехт, шведский режиссер Альф Шёберг, а также партийный функционер и деятель культуры тех лет Платон Керженцев. (Эту пьесу, между прочим, однажды поставили в Центральном Доме Актера и даже показали в записи на телеканале «Культура». Запись, к слову сказать, уникальная: Немировича играл Олег Табаков, Станиславского — Олег Ефремов, Мейерхольда — Сергей Юрский, Таирова — Роман Виктюк, Эйзенштейна — Михаил Левитин...).

Летом 1988 года все три пьесы Ларса Клеберга были поставлены известным французским режиссером Антуаном Витезом и показаны на театральном фестивале в Авиньоне. Сам Витез в «Учениках чародея» играл Станиславского.

После написания этой пьесы автор—неутомимый исследователь—отыскал все-таки в одном из российских архивов стенограмму подлинного обсуждения гастролей театра Мэй Ланьфана, состоявшего в ВОКСе (она опубликована в журнале «Искусство кино», 1992, № 1). И вот теперь новая находка... Но о ней он скажет сам.

Мои исследования документов, которые связаны с легендарными гастролями в Москве в 1935 г. китайского актера Мей Ланьфана, о которых я писал в своем диалоге «Ученики чародея», не только привели к публикации одного из протоколов ВОКСа (ж. «Искусство кино», 1992, № 1). Недавно был случайно также обнаружен документ, который, возможно, является текстом заключительной реплики самого Мей Ланьфана в дискуссии 1935 г.

Публикация посвящается Науму Клейману, который помогал очень многим коллегам, в том числе и мне, научиться понимать проблемы русского театра и русского кино.

Ларс КЛЕБЕРГ
Стокгольм

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО МЕЙ ЛАНЬФАНА

(На собрании в Москве 14 апреля 1935 года, завершившем гастроль великого актера Мей Ланьфана, после выступления ряда русских и иностранных режиссеров, наконец слово предоставляется почетному гостю из Китая.)

Прежде всего, от имени своего театра я хотел бы поблагодарить советскую общественность, Всесоюзное общество по культурным связям с заграницей и советских театральных деятелей за исключительное гостеприимство и радушие. Особую благодарность я хотел бы выразить всем актерам и художникам сцены во главе с уважаемым старейшиной русского театра Константином Станиславским за многочисленные слова похвалы и пронизательные соображения, высказанные в адрес нашей труппы. Мы осознаем, что эти щедрость и внимание касаются всей нашей страны и ее богатой театральной культуры, о которой мы могли лишь в малой степени дать вам некоторое представление.

Я сожалею, что запланированная во время нашего визита в Советский Союз дискуссия о состоянии советского театра с участием русских театральных деятелей и членов нашей труппы так и не состоялась. Но мне хотелось бы в заключение и с надеждой, что такая дискуссия состоится во время нашей следующей встречи—возможно, в ближайшем будущем,—высказать несколько личных впечатлений от увиденного мной в ваших театрах.

Я поражен серьезностью и самоотдачей советских артистов. Но нередко их амбиции проявляются со слишком большой очевидностью. Независимо от того, являются ли они приверженцами «системы» Станиславского, т. н. биомеханического метода или какой-либо другой школы, они иногда поддаются соблазну и лишь изображают на сцене действия и чувства вместо того, чтобы сливаться с ними. У нас это называется «предлагать себя» и считается неподобающим, по крайней мере, в рамках традиционного сценического искусства. Это не имеет ничего общего с наблюдениями доктора Брехта, которые мне кажутся интересными, но не бесспорными: чтобы, как он говорит, «дистанцироваться», необходимо сначала слиться с действием и чувством. Именно этого не хватает русским актерам, которых отличают высокая техника и целеустремленность, независимо от так называемой школы или «стилевого направления». Не исключено, что они пытаются слишком быстро добиваться того, что многие выступавшие сегодня называли «воздействием», еще не обретя той точки опоры, с которой можно оказывать это воздействие. Эту точку опоры нельзя достичь с помощью медитации или теоретических изысканий, ее можно обрести только путем упорного и внимательного изучения опыта великих мастеров. Лишь от учителя к ученику, от отца к сыну идет дорога к действительному знанию и действительному искусству.

Учиться можно и у чужеземного, но только тогда, когда овладеешь самим искусством учиться. Поэтому я надеюсь,—ради блага нашего и вашего искусства,—что мы скоро встретимся снова. Я благодарю всех вас, кто, каждый по-своему, в этот памятный вечер учил меня своему искусству!

(Продолжительные аплодисменты.)

Перевод со шведского **Александры Афиногеновой**
